

Чувство времени

Живет на земле беспокойное племя одержимых. Это те, кто превыше всего любит свое дело, свою мечту, свою идею. Их можно встретить среди людей любой профессии, любой области науки и искусства. Они первыми прокладывают дороги в неизведанное, делают великие открытия. Это беспокойное племя дало человечеству Циолковского и Эйнштейна, Бетховена и Прокофьева, Седова и Амундсена. К одержимым принадлежит и великий реформатор сцены Константин Сергеевич Станиславский.

Он не мыслил своей жизни вне театра и без театра. Станиславский был великолепным актером, замечательным режиссером, умным педагогом и, наконец, мыслителем. Все эти качества позволили ему на рубеже XIX и XX веков стать во главе нового театра, призванного чутко прислушиваться к поступи времени.

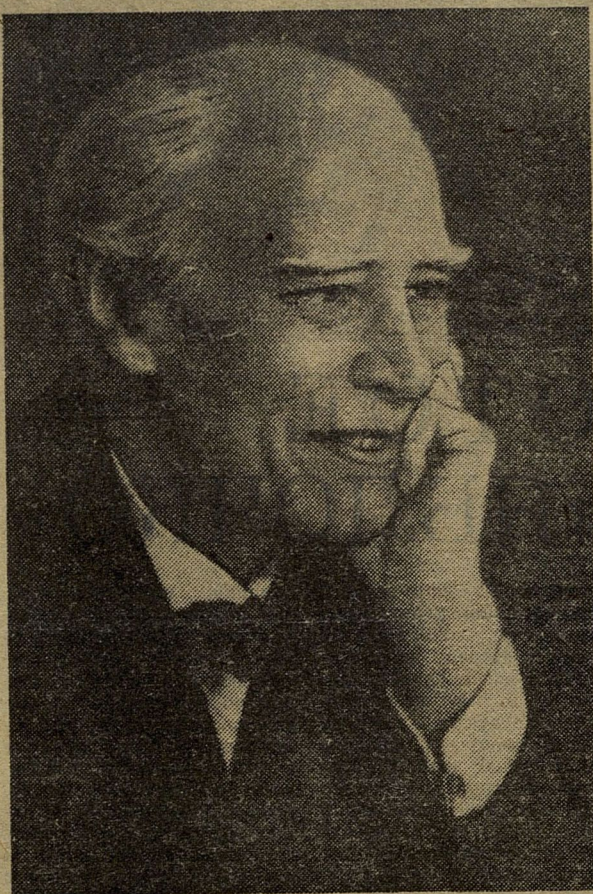
Сложным, полным сомнений, творческих поражений и трудных побед был путь Станиславского к созданию нового театра. Он пережил процесс, типичный для передовой интеллигенции тех лет. Воспитание настоящего человека, принципиально художника шло порой мучительно. Станиславский прошел через победы и поражения, которые не были отмечены яркими театральными афишами.

Константин Сергеевич понимал, что театр должен стать «трибуной времени», глашатая передовых идей. На этих же эстетических и политических позициях в те годы находился В. И. Немирович-Данченко — преуспевавший драматург, известный театральный деятель. «Мечтая о театре на новых началах, ища для создания его подходящих людей, мы уже давно искали друг друга», — писал впоследствии К. С. Станиславский.

Не было в стране театра более требовательного к репертуару, чем Художественный.

Встреча с драматургией Чехова обогатила и во многом углубила творчество К. С. Станиславского — артиста, режиссера, реформатора сцены. Для того чтобы донести глубину и сложность чеховской драматургии, за кажущимся внешним бездействием показать внутреннюю действенность мысли, нужны были актеры интеллигентные, тонкие, свободные от рутины и штампов. И Константин Сергеевич с энтузиазмом взялся за главное дело всей своей жизни — воспитание актера-гражданина.

Борьба за искусство жизненной правды, за искусство, близкое и понятное народу, — это творческое и жизненное кредо, принятое создателями нового театра, не теряет своего значения и

в наши дни. У Станиславского и Немировича-Данченко и некоторым современным художникам полезно поучиться непримиримой ненависти к безыдейному, формалистическому искусству, к малейшим проявлениям в театре рутины, фальши, обывательской пошлости, к подмене творчества ремеслом.

Признавая за театром право и обязанность прямого участия в духовном воспитании народа, Станиславский искал драматургов среди современных революционных писателей. В годы нарастания революционного подъема в Художественный театр пришел Алексей Максимович Горький. С увлечением взялся театральный коллектив за работу над пьесой «На дне».

Но все же до конца понять и принять творческий метод Горького Художественный театр в ту пору еще не мог. Вначале «художественники» принимали в творчестве Горького только его негативную сторону — обличение мешанины, пошлости, несостоятельности старой жизни. Они еще не видели в творчестве писателя его молодого несокрушимого революционного оптимизма, его веры в человека. Радостным исключением было, пожалуй, лишь исполнение К. С. Станиславским роли Сатина в спектакле «На дне». Монологи этого героя превращались, по выражению Горького, в «сгустки мысли, чувства, крови и горьких, глущих слез мира сего». Неподдельным вдохновением звучали со сцены слова Сатина о величии человека, об уважении к человеческому достоинству.

Путь постижения горьковской драматургии неразрывно связан с утверждением на сцене Художественного

театра стиля социального реализма. Станиславский снова обращается к пьесам Горького уже тогда, когда за его плечами стоит плодотворный опыт работы над советскими спектаклями «Бронепоезд 14-69», «Страх», «Квадратура круга». С позиций высокой партийности подходит весь коллектив театра во главе со Станиславским и Немировичем-Данченко к работе над пьесой Горького «Егор Булычев и другие», которая на долгие годы вошла в репертуар МХАТа как одна из наиболее epochальных постановок.

Содружество с великими писателями — Чеховым и Горьким помогло театру «открыть» и молодую советскую драматургию. Именно Станиславский привел на сцену Художественного театра молодых в те годы писателей Всеволода Иванова, Леонида Леонова, Валентина Катаева, Александра Афиногенова.

Станиславский чутко относился к новаторским поискам молодежи. Всегда интересовался новыми театральными студиями, которые рождались в после-революционные годы, оказывал им творческую помощь. Так, он восторженно принял спектакль «Принцесса Турандот», блистательно поставленный Евгением Вахтанговым.

Но вместе с тем он никогда не прощал бесплодных формальных выкрутасов, бездумного оригинальничанья, низвержения традиций реалистического искусства.

Только искусство высокой жизненной правды, пронизанное передовыми идеями, времени, Станиславский считал достойным нашей действительности.

М. КВАСНЕЦКАЯ.